

ИНТЕРВЬЮ С НЕМЕЦКИМ ПУЛЕМЕТЧИКОМ ФРАНЦЕМ МААССЕНОМ (FRANZ MAASSEN) ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ-ИТАЛЬЯНСКИЙ ФРОНТ

Интервью 2004 года

Я родился в Дюссельдорфе в 2020 году. Моя мать была голландкой. Отец был пекарем и владел собственным магазином. Там я ходил в школу, а в выходные и на праздники должен был помогать отцу в пекарне. У меня было два старших брата, но один умер в детстве. Вилли – Вильгельм – был вторым по сесту, родившимся в 1914-м. Мы были очень близки, хотя сильно отличались по характеру. Он любил слегка выпить и был куда более общительным, чем я. Его жена погибла в 1943-м: английский бомбардировщик был сбит и упал на жилые дома, погибло 37 человек или около того. Я в то время был в Миндене/Minden, приехав из России, и пришел на похороны. В следующий раз мы увиделись с ним только через семь лет...

Мой отец никогда не был поклонником Гитлера или нацистов. Мы были убежденными католиками. Я помню, как-то раз, после того, была сожжена синагога, в нашу пекарню пошли коричневорубашечники, хвастаясь и торжествуя по поводу того, что они сделали. Моя мать была разгневана, сказала им, что они сотворили дурное дело, и выгнал их из лавки. Мой отец отчитал ее: «Если ты будешь разговаривать с ними в таком тоне, попадешь в большую беду.»

Мой брат Вилли попал в армию в 1936-м. Я так и не записался в *Гитлерюгенд*, хотя меня все время зазывали туда. Я всегда был занят и отговаривался: «Я должен вставать в четыре утра и, потом, мне приходится работать по вечерам и в выходные дни. У меня нет времени на *Гитлерюгенд*.»

Я думаю, *Аншлюс/Anschluss* (присоединение Австрии к Рейху) был делом правильным, как и ввод войск в Рейнскую область. Там жили германцы, и эти земли отторгли у Германии в конце ПМВ. Все были рады тому, что произошло. Не уверен в этом, когда речь идет о Судетах, но думаю, что и вторжение в Польшу было оправданным. Там был [Данцигский] коридор, в котором жило много немцев, он был частью Германии до ПМВ. Большинство жителей тех мест были немцами, так что было правильным то, что вернули его себе. Однако я не думал, что грядет война. Я был молодым парнем – что я мог знать? Я пошел в армию в 1940-м. Мы одержали великие победы в Польше, Бельгии, Голландии и Франции. На очереди была Британия, и я очень хотел принять участие во вторжении в эту страну. Когда я поступил на службу? Июль или август. Поскольку я был коротышкой, предполагалось, что я пойду в танкисты, но меня послали в пехоту, сам не знаю почему. Я прошел базовую подготовку, - она заняла три месяца, после чего меня отправили в Бельгию. Базовая подготовка была чепуховой, но потом, уже в Бельгии, я многому научился. Многие офицеры служили еще в Рейхсвере, в той армии, которая существовала после ПМВ. Одним из них был лейтенант Бопп (Ворр). Он говорил мне, что должен быть его верным слугой (*fart-catcher*): «Когда я пукаю, вы должны быть достаточно близко, чтобы уловить это.» Он был великолепен. Жесткий – настоящий деспот – но он многому меня научил. Его отправили в Россию за то, что он назвал генерала *му...ком*. Мы должны были промаршировать через город, чтобы добраться до казарм, но он прибрал к рукам для этого трамвай. Генерал отчитал его за это, ну, Бопп и обозвал его *му...ком*. Генерал ничего не мог с ним поделать, потому, что Бопп был кавалером *Рыцарского Креста*, но сделал все возможное, чтобы его отправили в Россию...

Мы готовились к вторжению [в Британию] в начале 1941-го. В то время мы все еще думали, что будем там высаживаться, - сначала наши парашютисты, а потом мы. У нас не было годных для этого десантных судов: там были простые баржи, но мы практиковались в высадке с моря. Мы не особенно беспокоились о Королевском флоте, - все мы были полностью уверены в себе. Потом, уже через несколько лет после войны, я отправился в Англию с группой пекарей. Мы пересекали пролив на пароме, я увидел клифы Дувра и подумал: «Как вообще мы собирались карабкаться на них?»

Я встретил Лизель, когда мне было 17, на танцах в Дюссельдорфе. Мы были обручены, когда я отправился на войну. Конечно, я скучал по ней, но особенно много об этом не думал. Я был молод и рвался в бой. Мы поженились в 1942-м, перед тем, как я отбыл в Россию. Она не выходила на люди, пока я был на войне, даже тогда, когда я попал в список пропавших без вести и когда от меня шесть месяцев не было писем. Потом, когда через семь лет я вернулся домой в 1947-м, я поклялся не расставаться с ней никогда. Мы прожили вместе 60 лет и ни разу не поссорились...

Я отправился в Россию в составе 360-й Пехотной Дивизии осенью 1942-го. Там я первым делом заболел дизентерией. Там каждый был или ранен, или убит, или заболел. Я был совсем близко от Сталинграда, - не нем самом, но к Волге мы вышли. Так или иначе, я заболел и был отправлен в военный госпиталь, который был в Ростове. Там я пробыл какое-то время и поэтому избежал той участи, которая постигла большую часть моих товарищей. Всего 6 человек из 12 000, из всей дивизии, выбрался из Сталинграда. Наступил день, когда весь персонал [госпиталя] просто исчез - все врачи и все остальные. Наши в тот момент к тому времени отступали. Я все еще был болен, но поправлялся, нас подняли с коек и приказали уходить. Там был поезд, который дожидался нас... Я прошел мимо всех этих раненых парней - ампутированных, без рук и ног... Я еще с одним парнем подхватил двоих из них и затащил в вагон. Потом мы вышли и занесли еще нескольких. Там был один восемнадцатилетний паренек без одной ноги. «Возьмите меня с собой, пожалуйста,» - сказал он. Мы вернулись за ним и подхватили его, он позднее он умер. В поезде было страшно холодно, еды не было никакой. Когда кто-то умирал, мы просто выбрасывали его из вагона...

Когда я поправился, меня отправили в Минден, а потом обратно в Россию. К тому времени мы уже драпали, часто делая до шестидесяти километров в день. Это было после Курского сражения - большой танковой битвы. Мы окапывались, весь день вели пулеметный огонь, а потом ночью грузились на машины и откатывались назад. Я был пулеметчиком: меня учили стрелять из *MG 34* и *MG 42*. *MG 42* был известен [у немцев] как *Schnellespritze* (*Быстрая Брызгалка*) [также *Hitlersäge* (*Пила Гитлера*), *Knochensäge* (*Косторез*), *Tripperspritze* (*Шприц для Гонореи*) и *Elektrisches MG* (*Электропулемет*) - *BK*], потому что разбрызгивал пули повсюду. Я предпочитал *MG 34*, потому что он был полегче, так что, хотя я должен был использовать *MG 42*, я старался поменять его на *MG 34*, когда предоставлялась такая возможность.

Помню, как-то раз на прижали к реке. Офицер был ранен, и мы укрылись на ее берегу. Там, над поймой, был довольно высокий обрыв, и нам пришлось ползти вдоль его бровки. Русские были совсем близко: и мы слышали их голоса. Мне пришлось заткнуть офицеру рот своим кепи, чтобы он перестал стонать. Русские были страшными людьми. Хотя мы отступали, где бы ни случилось столкновение с ними, оно кончалось для нас, скажем, полусотней убитых, а у них погибала тысяча. Мне приходилось видеть русских совсем без оружия - ни винтовок, ничего другого - они наступали, взявшись за руки. Мы просто косили их... Я был ранен и поэтому выбрался из России. Мы сражались в лесах. Я ненавидел бои в лесах или городах и предпочитал драться на открытой местности. Так или иначе, мы наступали и сильно уступали противнику в численности. Офицер сказал нам: «Давайте, продолжайте атаковать!», и после этого был убит. Я и еще один парень упали на землю, и между нами было метров пять или десять, когда его подстрелили. Я сделал кое-что такое, чего не должен был делать ни в коем случае. Вместо того, что подползти к нему, я подбежал и начал делать ему перевязку. Потом я подхватил его и потащил в тыл, и в этот

момент меня ранило в бедро. Я сначала этого не заметил и продолжил тащить его. Я сумел добраться с ним до перевязочного пункта и там я понял, что и меня зацепило. Меня отправили в госпиталь, в Киев, а оттуда в Германию.

Потом я встретил офицера, которого спас тогда, у реки в России. Он сказал мне, что собирается послать меня на офицерские курсы. Я ответил, что не хочу этого, но он сказал: «Это будет так, или тебя отправят обратно в Россию. У тебя есть время до завтра, чтобы принять решение.» Я принял решение довольно быстро, прошел офицерскую подготовку и был рекомендован к получению звания в числе троих из шестидесяти. Но я был всего лишь сыном пекаря без должного образования, так что меня произвели в фельдфебели и отправили в Италию. Дело было в июле 1944-го.

Я сел на поезд, идущий в Верону, потом на грузовике добрался до линии фронта, чтобы влиться в 6-ю Роту 3-го Батальона 994-го Полка 278-й Пехотной Дивизии. Когда я нашел их, они стояли в Монтегалло/Montegalloy. Этот пункт был не на Готской Линии, он был немного севернее ее. У меня под началом было отделение, около десяти человек. Одна пулеметная точка была в винограднике. По одну сторону от нас стояла 1-я Парашютная Дивизия, по другую – 71-я Дивизия. Мы звали ее *Hände Hoch/Пуки Вверх*, потому что они вечно сдавались в плен, - это было что-то вроде шутки. Я помню, что бомбардировщики и штурмовики (*Jabo*) союзников постоянно совершали налеты. Штурмовики пролетали над головой, сбрасывали бомбы, а потом стреляли по всему, что попадало под руку. Это было настоящей головной болью. Артобстрелы были чем-то невероятным – намного хуже того, что я испытал в России. Когда началось сражение, мы вскоре оказались сами по себе, потому что *Hände Hoch* отступили, и парашютисты сделали то же самое. Однако я отказался оставлять свою позицию без приказа и приказал своим людям держаться. Потом появился вестовой. Он не стал подходить к нам ближе чем на 50 метров и оттуда прокричал: «Маассен, отходите!» Я приказал своим людям отходить по одному. В России я научился тому, что всем сразу отходить нельзя: если поступишь так, то будет риск погибнуть всем сразу. Так что я отправил их назад по очереди, с приличным интервалом. Сам я ушел последним. Пошел в тыл, набрел на сарай, в котором сидело множество людей не из моей роты. Остановился там, закурил, потом пошел дальше, набрел на что-то вроде ручья и там увидел своих и множество людей из других частей. Все они погибли под огнем артиллерии, все они оказались в ловушке в том ручье. Ни один из моего отделения не выжил...

У нас было много проблем с партизанами. Полагаю, я сталкивался с ними меньше, чем другие, потому что все время был на передовой, хотя как-то раз в России мой офицер и еще один парень были убиты партизанами. Когда я впервые прибыл в Италию, я оказался в Вероне, ожидая транспорта к линии фронта. Там как-то сидел в баре и выпивал, когда какие-то партизаны закинули в него гранату. Я знал о партизанских атаках по российскому опыту, так что схватил автомат, который висел на стене, и запрыгнул за стойку. Та граната не была немецкой: она не могла быть ею, потому что оказалась не очень эффективной, и хотя и перевернула несколько столов, ее осколки ранили всего пару человек, и никто не был убит. Расскажу вам немного о партизанах в России. Как-то раз во время отступления я сидел в стрелковой ячейке с парнем по имени Петер Рогге (Peter Rogge), который [в прошлом] был студентом теологии. В пулеметном расчете один стреляет, другой подает ленту. Я вел огонь около полутора часов, так что подошло время меняться. Это было трудно сделать под сильным огнем противника, но мы справились с этим. Петер вел огонь всего несколько мгновений, когда его ранило в лицо. Его отправили на перевязочный пункт, а оттуда санитарная машина должна была отвезти его в госпиталь. Вскоре после этого мы продолжили, как обычно, отступать и по пути наткнулись на эту санитарную машину. У водителя руки были привязаны к рулю, после чего машина была подожжена, и он просто сгорел. На обочине дороги лежали раненые, и одним из них оказался Петер Рогге. Его голова была раздроблена, он был раздет, его ... был отрезан. Это сделали партизаны, так что я ненавижу их...

Интервью 2012 года

Итак, Вы были пулеметчиком в 236-м Батальоне 579-го Полка 306-й Пехотной Дивизии...

Да, в [Римини](#) я попал в плен и пытался бежать, после чего меня посадили на судно и отправили в Африку. Там я работал в пекарне. Был у меня там друг, тоже из Дюссельдорфа, он там много чего вырезал из камня. Он отдавал свои изделия британцам и поэтому был освобожден раньше, хотя еще не подошла его очередь. Людей постарше освобождали первыми. Он был молодым парнем, но к нему отнеслись по-особому и освободили в 46-м. Я находился там до 48-го.

Можем ли мы поговорить о том, как проходило Ваше обучение?

Я проходил подготовку в Детмольде/Detmold. Моя семья была католической и очень набожной. Люди говорили, что мы воюем против большевизма, так что я добровольно записался в армию. Большевики были непопулярны в Германии в то время. Нацисты контролировали все. Все коммунисты сидели в концлагерях и или просто были убиты. Знаете, это было ужасно, то, что сделали с коммунистами. Так что в 1940-м я добровольно записался в армию.

В 1944-м я попал в плен к британцам. Я был в плену в Тобруке, там я выучил английский. До этого я не говорил по-английски, но тогда я был переводчиком. Сейчас я уже не очень хорошо понимаю по-английски.

То есть, в то время был страх перед советской и коммунистической экспансией?

Да.

И речь не идет только о Вашей семье?

Это было в общем, это была нацистская Германия в тот период времени. С самого начала шла мощная, полна ненависти антикоммунистическая агитация. Этим ежедневно были полны газеты и все остальное. И мы верили в это. Я зашел в пекарню к отцу и сказал: «Папа, я собираюсь добровольно записаться в армию, мы сражаемся против большевизма...» Мой отец прошел через ПМВ. Он сказал: «Ты – глупый мальчишка.» Я ответил: «Это не имеет значения. Я уйду.»

Но что заставило Вас, молодого парня, иметь такие сильные чувства по отношению к этому в 1940 году? Было ли это потому, что Вы были молоды и полны энтузиазма?

Ну, это было связано с католической церковью. Знаете, мы были рьяными католиками. Пастор благословил нас: «Вы воюете против большевиков за христианскую веру.» Ну а меня хватило глупости поверить в это. Люди говорили, что это война против большевизма, но это было другое – это была война за нацистов. Мы поняли это только после войны.

Если по-честному, я не знаю, насколько это было лишь нацистской пропагандой. Я имею в виду то, что если бы Германия не напала на Советский Союз, Советский Союз сам бы вторгся в Германию, в этом нет никаких сомнений...

Тогда нам так и говорили, но я в это не верю. Это писали газеты.

Есть документы, свидетельствующие о том, что Сталин планировал вторгнуться в Германию не позднее чем в 1941-1942 годах.

Это нам тоже говорили. Ну и мы тоже говорили: «Пока сюда не пришли большевики, мы будем сражаться за католическую христианскую веру.» Я был настолько туп, знаете ли, что верил в это.

Как проходила запись добровольцев?

Здесь, в Дюссельдорфе, был армейский призывной пункт, и там можно было записаться в добровольцы. Я отправился туда и прошел медицинскую комиссию. Я был абсолютно здоров. Сначала меня зарегистрировали для танковых войск, и я подумал было: «Отлично, танки!» Правда, танки были настолько хороши, что их полностью уничтожили... Но тогда я хотел попасть туда, но мне просто повезло: меня отправили в пехоту. Нас там особенно не спрашивали ни о чем...

У вас не было выбора?

Нет. Потом я встретил двоих друзей, которых знал раньше, и мы вызвались пойти в пулеметчики. Так мы втроем стали номерами 1, 2 и 3. Я не знал, что это было наиболее опасным местом в строю. Потом. В России, когда мы атаковали, мы первым делом нацеливались на [вражеских] пулеметчиков, и тогда мы прорывались. И русские боролись с нашими пулеметными гнездами. Я выжил только потому, что прошел хорошую подготовку. Инструктор – он был из тех, кто был инструктором еще в той 100 000-ной армии, который выжил в годы ПМВ - говорил мне: «Франц, пострелял, сразу же откатись в сторону, потому что русские будут стрелять туда, где ты [только что] был.»

Он был просто гений...

У нас в полку (?-ВК) было 11 пулеметчиков, и все они погибли.

Вернемся к обучению. Вы пошли в призывной пункт, подписались там, где было место для подписи. Что было дальше?

Нет, [я ничего не подписывал]. Он сделали свои пометки, я получил повестку и должен был явиться в Детмольд назначенное время.

Я так понял, что новобранцы, говоря в целом, попали в довольно-таки местную дивизию. То есть, люди пришли из одних и тех же мест, и когда Вы прибыли в Детмольд, там было много парней, которых Вы знали?

Да. Нас набрался целый поезд. Я увидел двух парней, которые показались приятными в общении, и я сел на поезд вместе с ними. Они были из Золингена. Мы притерлись друг к другу и стали пулеметчиками. Мы так и оставались вместе.

То есть, Вы знали друг друга раньше?

Нет-нет. Я просто подумал, что это приятные ребята, мы стали держаться вместе. Один из них умер два года назад – он потерял ногу в России. Другой погиб в бою.

Знали ли Вы то, что станете пулеметчиком?

Нет. Нас записали в пехоту, и мы вызвались служить пулеметчиками. Был еще один медосмотр, мы были спортивными парнями, мы трое. Хорошо, сказали нам, пусть так и будет.

И Вы на этой стадии уже были в 306-й Дивизии?

Да. Обучение уже шло по полкам, батальонам, ротам и так далее. Я так остался вместе с теми парнями.

Это была учебная рота?

Да, это была учебная рота. В роте полагалось иметь 200 человек, но обычно было 80-100. Из моей роты потом погибнут все, включая офицеров. Сначала у нас было отделение (gruppe), потом взвод (zug) – обычно 20-30, до 40 человек. Потом шла рота,

И большая часть роты была из Дюссельдорфа?

Из Рейнской области. Парни из Кельна, из Северной Рейн-Вестфалии. [Маассен смотрит на свои записи.] Это всё мои друзья, погибшие в боях. Мне повезло в том, что я выжил. Подстрелили меня только один раз, вот сюда (показывает на левое бедро), но в этом был виноват я сам. Меня обучали на пехотинца, так что мы учились делать все лежа. Мы атаковали тоже лежа. Мой товарищ был ранен, на оставалось всего четверо из нашей роты. Четверо, и из них только двое смогли добраться до леса. Мы были окружены русскими, и второй парень был ранен. Я поднялся с земли впервые в жизни, чтобы перевязать его, и меня подстрелили.

Как Вы думаете, хорошая ли это была идея – формировать дивизию по территориальному признаку?

Да она не была территориальной. Там были парни со всей Германии. Были люди из Восточной Пруссии, из Рейнской области, из Пфальца. Там все было перемешано. Были в нашей роте парни из Дюссельдорфа, Кельна, Саарской области, из Саарбрюккена. Парни в нашей роте были примерно одного возраста, 1920 года рождения, 20-21 год. Но мы, пришедшие из Рейнской области, быстро находили друг друга.

У Вас была белая униформа...

Да, у меня была такая. Ее называли *Drillichjacke*. Ее носили, в основном, во время учений.

Как проходило обучение?

Было тяжело, оно было жестоким. Да, учились маршировать, были смотры [строевой подготовки], топ-топ. Да, учились отдавать честь, с головным убором, без головного убора. Так оно и было.

Первое, чему Вы учились, это абсолютная дисциплина.

О, да.

Были ли это шоком?

Я знал об этом от своего брата. Он был старше и побывал в солдатах. Он мне обо всем рассказал. Я этому не верил и думал, что это все чепуха.

Обучение начинается с маршировки и тому подобного. Много ли было политической подготовки? Много ли было посвящено моральным стандартам? Читали ли Вам лекции по идеологическим вопросам?

Нет, нас учили практическим навыкам. Да, практика, да, была теория, но, в основном, первое.

То есть, не было лекций о том, каким гением был Гитлер или что-то в этом роде?

Это тоже было. Кое-что из этого. Мы знали все это из газет. Газеты, которые мы получали, были исключительно прогитлеровскими. Никто не писал чего-либо против Гитлера. Он был героем, он был лучшим из людей и лучшим во всем, все это говорили нам, дурачкам.

Но учили нас хорошо, должен сказать. Так было. Тогда нас обучали на отлично. В России к нам приходили молодые парни на замену тем моим товарищам, которые погибли. Они приходили не очень хорошо обученными. Да у них понятия ни о чем не было. Ну, приходят они ко мне на линию фронта, прямо под носом у русских. Они могли с шиком отсалютовать, могли встать по стойке *смирно*, но не умели управляться с оружием, во всяком случае, с пулеметом и с ручной гранатой. Они гибли как мухи. Я получил в качестве пополнения 14 человек, через 10 дней из них никого не осталось: они либо погибли, либо были тяжело ранены. Когда я делал перебежку под артогнем, я знал, что в обстрелах есть паузы, во время которых нужно было следовать за мной. Но они были напуганы, они оставались лежать на земле, они погибали. Так вот это было.

Сколько длилась подготовка в 1940-м?

Три месяца.

Был ли у Вас один инструктор на весь срок, или было много разных?

Было несколько. Прежде всего, был командир нашего отделения, потом взводный, был технический сержант, потом офицеры. Все они погибли в боях...

А инструктора после завершения обучения оставались с вами?

Они оставались в учебном центре, Детмольде. Потом к нам приходили другие офицеры. Детмольдские инструктора были довольны тем, что им не пришлось двигаться дальше вместе с нами. Они издевались над нами, эти подлые ублюдки, они жестоко обращались с нами, потому что хотели сохранить за собой свои должности в Германии. Так они завоевывали себе репутацию у старших по званию: «Этот жёсткий, этот жесток.» Я знал [отличных] офицеров. У одного был *Рыцарский Крест с Дубовыми Листьями*. Когда русские шли в атаку, он брался за мой пулемет и вел огонь. Он не был обязан это делать, он вообще не должен был находиться на передовой, но такое тоже случалось. Я стоял рядом с ним и подавал ему боеприпасы. Он был храбрым офицером, но, к сожалению, он погиб. На фронте мною командовали профессиональные офицеры, я бы сказал. Все они погибли.

Проходили ли Вы подготовку вместе с другими родами войск? С артиллеристами, с танкистами...

Нет, нет. Мы были всего лишь пехотой. Но, что касается артиллерии: мы были в оккупационных войсках в Бельгии в 1941-м. Я ездил на своем велосипеде в расположение артиллеристов и добывал там хорошие продукты. Их кормили в три раза лучше, чем нас, пехоту. Мы получали тарелку горохового супа – горох с водой. У них я добывал мясные продукты и все остальное. Раз в год у нас были батальонные учения, в которых принимала участие артиллерия. Там все были, были танкисты и все прочие рода войск.

Эти учения проходили с настоящими боеприпасами?

Да.

Я спрашиваю об этом потому, что на ранней стадии войны германская армия славилась своей способностью осуществлять скоординированные атаки с участием

всех родов войск. Как Вы справлялись с этим, если Вы не слишком часто проходили подготовку при их участии?

Плохо справлялись. Смотрите: мы проходили подготовку в Бельгии, и дела у нас шли хорошо. Потом мы отправились в Россию, большая часть людей погибла, вместо них пришли молодые новобранцы вообще безо всяких навыков. От них вообще толку не было. Пацаны, 19-20 лет, полные энтузиазма, но тупые... Первым делом я должен был сказать им: «Пацаны, будьте внимательны. Когда я бегу под артобстрелом, следуйте за мной. Когда я ложусь на землю, вы тоже должны залечь.» Но они все погибли: они не имели понятия о том, что такое фронт. Это было преступление против молодежи. Мне было очень жаль тех ребят. Вот они все в моем списке: все погибли.

Вы ведь также готовились к вторжению в Англию...

Да, конечно. Как-то раз нас загрузили на корабль, и предполагалось, что мы отправляемся в Англию. Мы были в возбуждении по этому поводу, но ничего не случилось. Мысленно мы уже были в Лондоне. Дураками были...

Итак, когда Вы впервые увидели танк?

На фронте?

Ну, это на фронте произошло, или во время обучения?

Немецкие танки нам показали, когда мы проходили подготовку. Нам пришлось учиться тому, как бороться с танками.

Это был настоящий танк, который Вам пришлось подрывать во время обучения?

Уф... Однажды я сделал большую глупость. После того, как меня ранило в России, я оказался в Германии, и предполагалось, что я буду обучать новичков. Бывший командир моей роты сказал: «Франц, ты займешься этим (мы друг с другом были на *ты*). Покажи этим пацанам, как бороться с танками.» Ну, показал им. Там был небольшой бугор, ну, танк катился в его сторону, и я бросил дымовую шашку, и никто уже ничего не мог разглядеть. Потом я засунул гранату в ствол танковой пушки, и танк взорвался... Офицер, который находился рядом, ничего не видел: он был весь окутан дымом. Потом он говорил мне, какой я мастер и что я лучший из лучших. Но я думаю, что все это было глупостью.

Русские всегда атаковали танковыми колоннами, знаете, по три-четыре машины. Трудное дело для нас. Однажды на нас шел одиночный танк, и мой ротный командир запрыгнул на него и засунул гранату в дуло пушки. Потом он закричал мне (я находился в укрытии): «Франц, принеси ручные гранаты!» И мне пришлось передавать ему туда, где он стоял, гранаты. Он закинул еще одну гранату в дуло пушки, и мы оба побежали в укрытие. Получилось все потому, что это был одиночный танк. Было бы их больше, мы бы на это не решились...

Когда Вы оказались в России и первый раз вступили в бой, за вашей спиной была артиллерия, были минометы, могли быть и танки. Откуда Вы могли знать, что делать, если вы никогда не проходили совместную подготовку с артиллеристами и танкистами?

Все шло автоматически. Наши части были развернуты. Это означало, что 9-я Рота заняла позиции для атаки, после чего мы пошли в атаку. Будучи пулеметчиком, я всегда был в первой линии.

Теперь что касается танков. Я хочу рассказать еще одну историю. Сидим мы как-то в ячейке. Все окопались, и мы тоже, и тут видим: на нас движется русский танк. Обычно русские танки крутились над окопами и давили людей. Мы сидим в ячейке, нас двое, и русский танк катится прямо на нас, а напротив нас была здоровенная лужа. Русские танкисты не решились двинуться через нее и остановились. Не спрашивайте о том, какой страх мы пережили... Потом они проехали рядом с нами и потом разнесли целую деревню, нанеся нам большие потери. А мы с товарищем выжили, нам повезло. Прокатись он через лужу, нам была бы крышка. Видите, бывает в жизни везение...

Давайте вернемся к Вашей подготовке в качестве пулеметчика. У Вас был один пулемет на отделение, на десять человек. Скажем, было три пулемета на взвод, остальные были вооружены винтовками. Вы во время подготовки с самого начала учились на пулеметчика и не осваивали другое оружие?

Да нет, учились владеть винтовкой, само собой, ручными гранатами. Всему учились...

А все остальные тоже осваивали пулемет?

Нет, только пулеметчики.

Джеймс Холланд рассматривает фотографию: «Это MG 34.»

Это во время обучения. Вот офицер, прекрасный офицер, он потом погиб, отличный был парень. А это мое отделение: я – здесь третий, стою с пулеметом. В расчете было три пулеметчика. Это MG 34, позднее его заменили на MG 42, но я его выбросил. Он делал 1200 выстрелов в минуту, и я не мог таскать такое количество боеприпасов. Как-то в лесу под Киевом мы должны были идти в атаку, и я выбросил MG 42. Он толком не стрелял, а 34-й стрелял хорошо...

А когда Вам выдали 42-й?

Уже в Бельгии, мы все еще проходили обучение. Дело было в 1941-м, до того, как мы отправились в Россию. Да, это была мое отделение, видите: убит, убит, убит, убит, убит, убит, - все погибли...

И сколько времени у Вас был 42-й?

Он был у меня, пока меня не ранило. Я всегда старался придержать для себя старый пулемет. Новый не был так удобен, он был слишком скорострельным, и я предпочитал старый...

MG 42 имел скорострельность между 1 400 и 1 500 выстрелами в минуту, 12 в секунду... MG 34 – около 900. Практическая скорость стрельбы – 250-300 в минуту, потому что иначе ствол слишком сильно разогревается. Если непрерывно стреляешь целую минуту, то происходит именно это.

По той причине я всегда старался избавиться от нового и придержать у себя старый. Он был более устойчивым.

Итак, что в 42-м Вам не нравилось?

Приходилось таскать и использовать слишком много боеприпасов. Он был менее устойчивым, 34-й был в этом плане лучше. 42-й мотало сильнее, и я не мог вести прицельный огонь. Может быть, он и был неплох для понятия боевого духа, но я его не любил.

Ствол трясло?

Да, из-за высокой скорострельности... В России мне выдали 42-й. Мой товарищ был убит, и у него оставался 34-й, так что выбросил свой и взял его 34-й.

Предполагалось, что лучше застрелить 20 человек за один раз, чем одного человека 20 раз?

Ну, да, но русские не располагались так близко друг к другу. Они не были так уж сильно сконцентрированы. И мы всегда были рассредоточены: три человека тут, через 50 метров еще трое. В России нас было так мало, что следующая группа людей была метрах в двухстах от нас. На большее нас там не хватало...

И что, большая часть Ваших коллег была того же мнения о 42-м?

Не в курсе, но, сказать по-простому, - да. В Бельгии нам выдали оружие, в том числе, 42-е, и большинство из них было того же мнения. Они говорили: «34-й устойчивее, и [с ним] нам не нужно таскать так много боеприпасов.» Так было уже во время обучения. Мы получили приказ перейти на 42-й, поскольку это – новейшее оружие и т.п. Это было пропагандой. Они сидели в Германии, никогда не были на фронте, ни разу не стреляли, эти ублюдки. А потом они устанавливали правила, в которых указывалось, что для нас лучше.

Это то, что я собирался сказать. Конструктор может сказать, что пулемет является верхом совершенства, но люди, которые на самом деле знают, что и как, - это люди, которые используют его в бою. И, кроме того, есть та проблема, что более высокая скорострельность приводит к быстрому перегреву ствола.

Да. Нам часто приходилось менять ствол. Мне приходилось проводить обучение, как вы знаете, мне пришлось попрактиковаться с ним [с MG 42] какое-то время, а потом в России я его выбросил. Мы были экспертами в смене ствола, я и мой товарищ. Другим требовалось в четыре раза больше времени на это. На хватало двух секунд, у других уходило на это 20 или минута... Когда мы обучались в Детмольде, нам самим для этого требовалась минута, позднее, на войне, 2-3 секунды.

После того, как Вы поменяли ствол, что с ним происходит дальше? Можно ли его снова использовать, или его приходится выбрасывать?

Вы можете снова его использовать. 2-й номер носил футляр для запасных стволов, я передавал ему использованный, он давал мне новый.

Как Вы управлялись с этими раскаленными стволами? Насколько я понял, у вас была большая рукавица из асбестовой ткани...

Нет-нет. Мы просто быстро его снимали. Ожогов у меня не было, это я помню. Рукавиц у нас не было. У нас их и в России не было, даже когда было холодно. У большинства были обморожения.

Изменила ли война Ваше отношение к церкви? Или, скажем, продолжали ли Вы ходить в церковь после нее?

Не так сильно сама война, как то, что было после нее... Когда в 1950-х умерла моя мать, мы должны были причаститься, должны были исповедоваться. Там был пастор, я его до этого не посещал и знал, что он играл в *скат* с моим отцом. Я подумал: «Этот все разболтает,» и отправился в небольшой монастырь, в котором были священнослужители. Там был один *ладре* постарше. Пошел к нему и сказал: «Я последний раз исповедовался 8 лет назад. Назовите мне прегрешения, и скажу *да* или *нет*.» - «Где вы были эти 8 лет?» Я

говорю: «Я был солдатом.» Он мне: «Где вы побывали?» Отвечаю: «Был в Бельгии и Франции какое-то время.» - «Значит, вы посещали бордели.» - «нет, не было такого.» Он мне не поверил. Ему было лет 50 на вид. Он говорит: «Я также был во Франции. Каждый солдат ходил в бордели.» Я вышел из себя и наорал на него. Я орал так громко, что вся церковь переполошилась. С той поры я в церковь не хожу.

Давайте вернемся к Вашему пребыванию в России. Отделение из 10 человек воевало вместе с пулеметным расчетом, и он был наиболее важной составляющей такой части. Это так?

Да, конечно. Стрелкам все время приходится перезаряжать винтовки, это было слишком неудобным, а если им приходилось вести частый огонь, винтовка теряла точность. Что касается пулеметчиков, то на них можно было положиться. Но, как я сказал, и они все погибли. В моем случае было больше везения, чем расчета...

Приходилось ли стрелкам носить для Вас боеприпасы?

Они таскали свои. Я, 1-й номер, вел огонь из пулемета, 2-й и 3-й носили боеприпасы. Если погибал 1-й номер, его сменял 2-й или 3-й: они тоже раньше проходили для этого подготовку. Нас обучали в Бельгии, обходились с нами жестоко. Мы кляли на чем свет стоит инструкторов за то, что они гоняли нас и измывались над нами. Но в России я радовался тому, как нас хорошо обучили. Как я уже говорил, в атаке мы прежде всего боролись с [вражескими] пулеметчиками, а потом прорывали оборону. И русские делали то же самое.

Что происходило, когда у вас кончался боезапас?

В расчете всегда было три человека, и у каждого был свой резервный боезапас. У меня была лента с 50 патронами, я держал ее в своей сумке и носил с собой... Я всегда делал все возможное, чтобы быть обеспеченным боеприпасами в достаточной степени. Да я бы скорее выбросил продукты, лишь бы иметь при себе побольше патронов. Для меня это было важнее...

То есть, у Вас всегда был при себе резерв из 50 патронов?

Да, и именно поэтому я остался в живых.

Необходимость в смене ствола или заправки новой ленты в пулемет могла стоить жизни, если Вы не были достаточно проворны... Стали бы вы менять ствол, когда другой пулеметный расчет делает это? Стали бы вы кричать им «Я меняю ствол!», чтобы дать им знать об этом?

Нет, мы были слишком сильно рассредоточены. Иногда они [другой расчет] были в сотнях метров от нас. Пока я был занят со стволом, 2-й номер должен был вести огонь из винтовки. Такое часто случалось...

Мне интересно, есть ли у Вас какие-либо критические замечания относительно *MG 34*? Или Вы считаете его лучшим из всех, совершенным [во всех отношениях] пулеметом?

У 34-го не было недостатков.

Знаете, у британского пулемета *Брен/Vren* была деревянная ручка на стволе. Дерево так сильно не нагревается, как металл, так что при смене ствола достаточно было повернуть эту ручку, клик, клик, один ствол убран, другой поставлен. И нет никаких проблем с перчатками, перегревом и всем остальным...

Я никогда не держал в руках британский пулемет... Что касается британцев - в Италии нам как-то повезло: шел дождь, британцы не могли поднять свои самолеты. Когда их самолеты прочесывали нас своим огнем, это было ужасно. Они и артиллерию не могли пустить в ход, так что мы атаковали по-простому – пехота против пехоты под проливным дождем. Нам повезло, или, скажем, не повезло британцам. Там у них были новички, оказавшиеся на передовой в первый раз. Они ни о чем понятия не имели. Я взял 90 пленных, мне аплодировали, я за это получил *Железный Крест*. Раненых британцев положили в ряд, тех, кто был с тяжелыми ранениями. Один из них, попавший под сильный огонь, был ранен в обе руки. Я подошел к нему и хотел дать ему воды из своей фляги. Взял ее, открыл ему рот, а он отбросил флягу в сторону и сказал: «Долбаный немец!» Через две минуты он скончался. Он не принял воду от немца... Я хотел как лучше, ведь он был тяжело ранен. Знаете, мы хорошо обращались с ранеными. Честно. По меньшей мере, так было на фронте. Не стану говорить о том, как с ними обращались другие. Были свиньи среди немцев, вне всякого сомнения. Они творили мерзости по отношению к британским пленным, я читал об этом. Что касается этих британских солдат, я рассуждал так: «Они не могут постоять за себя. Эти пацаны храбро дрались. Мы пошли в атаку, этого паренька ранило. Теперь надо дать ему глоток воды.» А он отбросил флягу...

90 британских парней? Вы сражались против русских, против американцев, против британцев... Как бы Вы оценили по баллам их боевые качества? Было ли у Вас такое чувство, что противник бывает разный? Не было ли у Вас ощущения, что американцы были сильнее британцев и русских или что британцы были сильнее американцев и русских. Ну, или что британцы и американцы были на одном уровне, а русские были хуже всех остальных?

Русские были наиболее фанатичны. Они погибали один за другим. Меня это всегда восхищало. Например, помню одну атаку в России. У них и оружие-то было не у всех. Они забирали автомат или винтовку у убитого товарища и шли в атаку. Мне было жаль их. Они брались за руки и атаковали, они умирали как мухи, и это их не беспокоило. Меня это всегда восхищало. Русских воспитывали по-другому, чем нас. Я никогда не был таким фанатиком и не пошел бы атаку без оружия. Я читал, что после войны им оказывали большие почести, потому что они храбро сражались, а сегодня это совсем не таком уровне. Когда-то им воздали должное за Сталинград, но сегодня, к сожалению, это не так. Они отдавали свои жизни и здоровье за свое государство. Я не думаю, что российское государство поступает хорошо, так плохо обращаясь со старыми солдатами. Я думал, им окажут должные почести.

Что Вы скажете об американцев и британцах?

Ну, британцы поступали очень по-умному. Обычно они посылали вперед арабов и черных, а сами следовали за ними. Нас обычно атаковали африканцы. Они шли вперед и вели себя фанатично, но они с симпатией относились к немцам, эти черные. Позднее, в Тобруке, когда я был военнопленным и пекарем, нас по утрам отводили в пекарню. Жили мы в палаточном лагере в пустыне. Нас стерегли охранники: сначала это были британцы, потом все стало жесточе, и пришли черные. Было жарко, 40 градусов, а черные мерзли даже в такую жару – они кутались в шерстяные одеяла. Один парень дал мне сигарету, он мог это сделать, мог дать и кусок хлеба. Британцам это не разрешалось. Они (*черные – ВК*) относились к немцам с большей симпатией, чем британцы, скажу вам честно. Ну и мы так же к ним относились. Я беседовал с одним сержантом, который, между прочим, говорил на семи языках, в том числе, на превосходном немецком. Он нас конвоировал и охранял. Одним утром нас привели в пекарню. Говорю ему: «Как ты стал британским солдатом?» Он отвечает: «*Томми* пришли. Окружили нашу деревню и забрали всех мужчин, одели на них кандалы и в солдаты. Вот так я стал солдатом.» - «Я думал, ты – доброволец.» - «Никто из нас не был добровольцем.» У меня был зуб на британцев, извините меня, поскольку Вы – британец, но они посылали черных на фронт, бросали их под огонь, а сами шли позади них. У черных были самые тяжелые потери, иногда я испытываю сожаление по отношению к ним...

Комментарий переводчика: Рассказы о том, что британцы силой загоняли африканцев в армию и рассуждения о том, что в британской армии первыми в атаку шли черные солдаты, относятся к области фантазий.

А американцы?

Я не сталкивался с американцами, если не считать того, что они выбомбили из нас всю душу...

Давайте вернемся к снаряжению и оружию. Считали ли Вы, что Ваше снаряжение, оружие и униформа были вполне качественными?

Определенно, это то, что я должен сказать. Мы были лучше оснащены, чем черные. *Томми* посылали их на фронт умирать, и они это знали.

А в России?

Нас послали в Россию в ботинках на шнурках, и с первого же [русского] офицера, убитого немцами, снимали обувь, и как можно быстрее. Потом у меня появились сапоги, я одел их еще в поезде. Солдат из Австрии мы (по традиции, идущей со времен ПМВ – ВК) называли *Товарищ в Ботинках на Шнурках/Kamerad Schnürschuh*. Они сначала воевали на немецкой стороне, но, странное дело, стоило им попасть в плен, и они уже были против немцев, они становились австрийцами. Помню, как-то раз утром, в лагере [для военнопленных], нас построили, и в строю чуть ли не все были австрийцами. Я знал многих из них. Раньше они относились к немцам с симпатией, радовались тому, что Гитлер превратил Австрию в часть Германии, - это то, что они говорили мне во время войны. И тут ни с того ни с сего все австрийцы построились отдельно. Я тогда повздорил с ними. Сказал им: «Послушайте, вы, парни, кто...?» - «Нет, мы – не немцы. Нас заставили.» - «Но вы пошли [в армию] добровольно.» Я-то это знал. «Большинство из вас было добровольцами. Вы были полны энтузиазма, как и мы.» Тогда *Томми* выпустили их раньше нас. В общем, я не хочу сказать ничего плохого об австрийцах, боже упаси. Я был в Вене в военном госпитале. Там австрийцы превосходно ухаживали за мной.

Вернемся к тому, как Вы добирались до фронта и обратно. Вы ехали в Россию на поезде или на грузовиках, или шли пешим ходом?

Из Бельгии мы доехали до Ростова на поезде, потом двигались на грузовиках.

А как вы отступали от Курска – на своих двоих или тоже на грузовиках?

Все пешим ходом. Я прошел от Сталинграда 600 км. Мы дошли от Сталинграда до Киева. Мимо постоянно проезжали немецкие грузовики, на них грузили тем, у кого были язвы или что-то еще на ногах, тех, кто больше не мог идти. У нас уже ноги отваливались. Нас было трое. «Нет, - говорили мы, - мы идем, мы идем, мы идем.» Дураками были. В одном месте мы набрели на немецкий [военный] лагерь. Так мы, трое, повели себя настолько глупо, просто смешно. Там у входа спал какой-то обер-фельдфебель, и мы его разбудили, так на нас наложили дисциплинарные взыскания за это.

Замечали ли Вы, что припасов и снаряжения в ходе войны становилось все меньше и меньше?

Да, с этим было плохо. В Италии со снабжением было получше. Грузы доставлялись к передовой быстро, вечерами и в темноте. Нам подвозили еду, боеприпасы, потом они быстро уезжали, так быстро, насколько это было возможно.

А почта до Вас доходила? Достаточно ли было продовольствия, или это была система круглогодичного рационирования? Ухудшалась ли ситуация с этим?

С почтой проблем не было, когда я был в плену. Моя жена постоянно писала мне, и я тоже, писал ей каждый день. Она стабильно получала от меня письма и всегда говорила мне об этом после войны. Я был зарегистрирован как военнопленный отделением *Красного Креста* в Неаполе. Она написала туда, но почта не прошла. Потом, через полтора года, какой-то англичанин был переведен в Германию, и он отвез мое письмо моей жене. Тогда нам еще не разрешали писать письма. Так вот, он стал служить в Дюссельдорфе, в оккупационных войсках. Так моя жена узнал, что я все еще жив. Я потом, после войны, написал тому англичанину благодарственное письмо.

А во время войны почта приходила регулярно?

Да, так было во время войны.

Еды всегда было достаточно, пока шла война?

Нет, в ходе войны ее становилось все меньше и меньше. У этих придурков с кухонь кишка была тонка, чтобы выезжать на передовую. В конце, когда людей на передовой становилось все меньше и меньше, и потерь было все больше и больше, этим придуркам, ранее отсиживавшимся в тылу, пришлось добираться и до линии фронта. Они развлекались с итальянками, пока мы сражались, вот нам и доставалось меньше положенного. Ой, эти пацаны прямо голодали, ох-ох-ох. Они были такими жирными, но потом и они стали худеть. Большинство из них оказалось в дезертирах: когда *томми* пошли в наступление, они были среди первых, кто это сделал. Я встреч таких, когда был в плену, и у них у всех были толстые рожи. Я говорил им: «Вы – дети.» Они все неожиданно оказались антифашистами. Один из них стал самым главным из этих типов. Мне он не нравился. Они сидели в лагере для антифашистов, я как-то сказал им: «Вы все были в *Гитлерюгенде*.» - «Да нам пришлось туда вступить.» - «Вы можете рассказать об этом *томми*, но не немецкому солдату.» Антифашисты и австрийцы жаловались *томми* на меня. Я сказал себе: «ОК, *томми* уважают меня больше, чем их.» Это я заметил у них. Должен признаться, что *томми* ценили в людях честность. Я общался с британцами. Тогда я еще не говорил по-английски, но приспособился к ним, особенно к фронтовикам. Это пока не пришли новобранцы. Они были полны ненависти, эти молодые парни, что пришли на замену фронтовикам. Те не всегда с симпатией относились к немцам, но вели себя почестному. Они нас не терроризировали, они нас охраняли и больше ничего не делали. У одного из них я научился английскому: он принес мне английскую книгу... Ну а потом пришли молодые солдаты из Англии, которые ненавидели немцев. Для них все немцы были нацистскими преступниками, убийцами, обидчиками детей, насильниками, ненавистниками евреев. Когда они мне это заявили, я обратился к мистеру Джодди (Joddy), прекрасному английскому парню, сержанту. Пошел к нему и сказал: «У меня есть жалоба.» Так он вызвал этого пацана и при мне отчитал его, сказав, что тот должен проявлять уважение к немецким солдатам, потому что они сражались так же, как и британцы. Я хотел было уйти, но он сказал мне: «Стойте и слушайте.» После этого пацаны стали относиться к нам получше.

Исходя из Вашего опыта, говоря о тех, кто воевал бок о бок с Вами и участвовал в победных кампаниях, - можете ли Вы сказать, что они были там потому, что они, скорее, были обязаны там быть, а не потому, что всей душой верили в [идеалы нацизма]?

На фронте?

Да, на фронте.

Все были обязаны [быть там.] Уверен, что было немало тех, кто пошел добровольно, но и они должны были идти [на войну], как и я. Никто больше никого не спрашивал, добровольно ты пошел на войну или нет. Обязан и все. Получили приказ и вперед. Большинство из всех тех людей погибли, к сожалению...

Но они шли по убеждению?

Некоторые да... Нам так промыли мозги нацисты... Коммунисты – это преступники и так далее. Коммунисты были обидчиками женщин и все такое, грабителями и тому подобное. Вы знаете, мы в это верили. Пастор в церкви говорит тебе: «Ты сражаешься за западный христианский мир.» На самом деле, мы сражались за Гитлера. Когда я впервые переговорил в русскими военнопленными, я понял, что мы не сражаемся против коммунизма. Они сражались против нацизма, это был их долг.

Дело в том, что Сталин вторгся бы в Германию, если бы Германия не вторглась в Россию. Кто знает, когда и как, - это остается неизвестным. Но это случилось бы. Это факт, которые не подлежат сомнению.

Я так больше не считаю... Вы обязаны стать солдатом в Англии, или вы можете сказать *нет*?

Можем с 1958 года.

О, это хорошо.

Согласны ли Вы с тем, что, хотя у Вас была отличная подготовка, лучшей подготовкой является [боевой] опыт?

И то, и другое. Я прошел превосходную подготовку, тяжелую, жестокую. Но в России я был рад тому, что меня хорошо обучали. В Бельгии мы в это не верили. Нас мучали и так далее. Но в России это не раз спасало мне жизнь, я должен это признать...

Я сохранил свою солдатскую книжку – *Soldbuch*. Вот как это случилось. Будучи военнопленным, я должен был сдать ее. Нас, солдат, выстроили в ряд. Я сказал: «Слушайте, британцы готовят агентов для посылки в наш тыл. В немецкой военной форме, с солдатскими книжками, они проникнут в Германию и будут заниматься саботажем. Уничтожьте их, сожгите их, выбросьте в уборную.» Так нам говорили в офицерской школе. Как я сохранил свою? Мы разделись догола во время обыска и проверки. На мне осталось только кепи. Я вложил ее туда, прикрыл сверху головным платком. У меня с собой были молитвенник и молитвенные четки, которые мне дала мать. Сверху я положил все это. *Томми* просто глянули на все это и сказали: «Давай, проходи.» Она осталась со мной, и я все еще горжусь этим. В ней перечислены мои награды, ранения, все там записано. Ни у кого ее не осталось, а у меня она есть...

Я и свои награды выбросил в уборную, когда мы были в плену, потому что с нас их срывали. Я держал свои награды в кармане, потом выбросил.

Помните ли Вы о том, что [в германской армии] было распространено довольно знаменитое [боевое] руководство с длинным названием, прозванное *Reibert*?

Reibert? Да, помню. Но у нас его не было. У нас была инструкция.

Хорошо, когда Вы были в России, держали ли Вы в своем ранце учебное руководство, или его выбрасывали?

Мы его выбросили. Прочитали и сказали: «Это для домашних условий.»

А когда обучались, следовали ему во всем?

Определенно. Все пришлось учить наизусть, потом нас экзаменовали. Я хорошо все заучивал, читал вечером, а утром мог повторить без запинки. Другие все еще читали за четверть часа или за час до тестирования и все равно забывали.

Ты должен был все это помнить. Если ты делал то, что не было разрешено, тебя строго наказывали. Это было в Вермахте обычным делом, и нас так воспитывали, когда мы росли. Мы, по меньшей мере, я, старались прожить жизнь согласно правилам и выполнять свой долг. Мы не осмеливались делать то, что было запрещено.

То есть, в целом, дисциплина всегда была довольно жесткой, не так ли?

В целом, дисциплина в Вермахте была очень строгой, это да.

И, с Вашей точки зрения, это имело важное значение?

Скажу вам вот что: это определенно имеет важное значение для поддержания порядка. Каждый знал, как вести себя. Когда он не следовал правилам, его наказывали. С этим в Вермахте было жестко, вы знаете это.

Одну вещь хотел у Вас спросить об MG 34: когда бы Вы не получали MG 42, вы его выбрасывали. Случались ли моменты, когда Вы знали, что Ваш пулемет [скоро] выйдет из строя или начнет изнашиваться? Как Вы добывали себе новый?

Капут мог прийти стволу. Рядом с Вами всегда был 2-й номер с запасным стволом, и у меня всегда был под рукой запасной ствол.

И что, у Вас всегда был тот же самый 34-й от начала до конца?

Всегда был со мной до самого конца, но у большинства были 42-е, поскольку он было более современным. Большинство из тех, кто стал солдатом после меня, использовали 42-й. Я всегда говорил им: «Пацаны, берите 34-й. Он лучше.» - «Нет-нет, этот [42-й] более современный. Он лучше, он легче.» ОК, может он и был на пару фунтов легче, но я всегда работал с 34-м.

Приходилось ли Вам менять один 34-й на другой в какой-то момент? Потому что старому пришел *капут*?

Нет.

Был как-то у меня взводный, – хотел бы рассказать об этом – и он невзлюбил меня. Когда нам пришлось пройти пешком ходом 60 км в день, мы, пулеметчики, по очереди несли пулемет. Если мимо проезжала телега, мы могли посидеть на ней какое-то время. Не знаю, почему я этому взводному с самого начала так не понравился. Короче, мне он не разрешал позволить себе такой отдых, и я прошел 60 км с пулеметом за спиной. Когда я добрался до военного госпиталя, у меня все плечо было стерто: никому не было разрешено нести пулемет вместо меня. Этот взводный просто ненавидел меня, но, по счастью, эта свинья вскоре также была убита в бою. Я позднее об этом услышал и, знаете, был рад этому. Он вечно посылал меня туда, где была смертельная опасность. Тогда я сказал своему товарищу из Золингена: «Вот адрес моей жены. Напиши ей, что эта свинья скоро добьется того, что меня убьют.» Мне пришлось из-за него подобраться на расстояние 100 м к русским и вести слуховое наблюдение, что было делом для меня совсем необычным. Однако он послал меня туда. Он хотел, чтобы меня убили, но я не доставил ему такой радости. Лимбург (Limburg), так его звали, сказал мне: «Франц Маассен, до того, как мы дойдем до Днепра,» - а до него было 60 км, - «ты будешь убит.» Я подумал: «Это мы еще посмотрим.

Со мной этого не случится.» Он был единственным моим командиром, с которым я не ладил, и ничего я с этим не мог поделать.

Вы когда-нибудь пробовали пострелять из русского пулемета или из чего-то подобного? Была ли у Вас когда-либо возможность посмотреть вблизи на оружие противника?

Мне они не нравились. Один раз попробовал, не более.

Русский пулемет?

Да. У него была сильная отдача, и зажимной рычаг все время отлетал назад. У меня от него были синяки, не то что от немецкого. Так что я его выбросил.

Против британцев мы использовали артиллерию. После того, как завершался артобстрел, мы чувствовали себя поспокойнее. Вы будет смеяться, но русские стреляли так, что их собственные солдаты были в опасности, но их это не волновало. Британцы всегда стреляли на достаточное расстояние, чтобы снаряды пролетели у своих солдат над головой. Я выкапывал себе окоп метрах в 30 от *томми*, и все пролетало надо мной и доставалось тем, кто был сзади. Это было преимуществом в боях против британцев: они никогда не подвергали опасности свои собственные войска. Они всегда стреляли туда, где были немцы, а потом меня называли *героем*. А я не был героем, просто то, что моя ячейка была в 30 метрах от *томми*, спасало мне жизнь. Я даже не был ни разу ранен [в Италии.] С русскими этот номер не прошел бы.

В воспоминаниях британцев и американцев можно очень часто прочесть о том, что они были прижаты к земле огнем *Шпандау/Spandau* – так они называли немецкие пулеметы. Однако у немцев Вы не найдете упоминаний о том, что их прижало к земле пулеметным огнем. Их всегда атаковали танки, истребители-бомбардировщики или что-то вроде того, или это могла быть артиллерия. Хотелось бы знать, могли ли Вы узнать звук стреляющего *Брена*? Говорили ли Вы: «О, это британский пулемет» так же, как британец, сразу же распознававший звук стрельбы *MG 42* из-за его очень высокой скорострельности?

Никто не стал бы говорить, что это наводило страх. Можно сказать так: «Огонь ведут английские пулеметы, что ты станешь делать в этом случае?» Как идти в атаку, когда навстречу тебе работает британский пулемет? Я никогда не шел в атаку на пулемет, это безрассудство. Мы пытались прорывать их оборону где-то в стороне от него.

Джеймс Холланд снова просматривает солдатскую книжку Маассена. Это Ваши физические характеристики: рост, вес... Вот религия: католик, вот группа крови, размер противогаза, а это что?

Это все о боях, через которые я прошел. Их не вписывали, но я попросил это сделать. У меня были документы, засвидетельствовавшие их. После войны я нашел их в Дюрене, там они хранились... На фронте не было времени все это записывать. Клерков из тылового офиса, которые этим когда-то занимались, переводили на фронт, и там они гибли словно мухи. Это была бесполезная трата [людского материала.]

А вот это, на третьей странице?

Это те части, в которых я служил, однако фронтовые части не были вписаны должным образом.

А здесь девичья фамилия Вашей матери и список предметов снаряжения: выданная униформа, полевой китель, каска, кепи, даты выдачи. У Вас было много всего! Вы

должны были получать, по меньшей мере, три кителя на человека: парадный, боевой и еще один, но, кажется, их раздавали как придется. Ведь сразу три Вы так ни разу и не получили?

Нет, во всяком случае, не в Вермахте, хо-хо-хо. Одна форма для всего, белый китель для учебных дел и ничего сверху. В белом кителе мы занимались спортом, играли в футбол, приходилось и носить его. Ну, или, когда отбывали наказание за что-то.

Обычно у Вас была, скажем, повседневная униформа темного цвета и *Drillich* ...

Темно-зеленая, не знаю, как ее назвать. Да и ничего другого. У британцев в этом плане было лучше.

Итак, Вы что-то получали, потом, через несколько лет, выдавали новое. В госпитале давали новую рубашку или...

Да, в госпиталях нас полностью раздевали. Нам говорили, что это для того, чтобы вывести вшей. В госпитале города Гера, в Германии, нам пришлось сдать всю нашу форму. И эти медики были просто преступниками, по моему мнению. Я им так прямо и сказал об этом в лицо. Сначала они стащили все награды, потом продали нашу форму, а затем сказали, что все это было разворовано.

И потом Вам пришлось получать все заново.?

Не в том госпитале. Меня перевели в запасной госпиталь в Вене, и там я получил новую форму.

А вот здесь что [в солдатской книжке]? Оружие и снаряжение?

Это красное обеззараживающее средство (*фулорцин или кастелянка – ВК*), аптечка первой помощи. Это запись о трофейном британском пистолете – мой ротный сделал эту дополнительную запись. Это было так потому, что, когда мы приезжали в Германию с такого рода вещами, там оказывались парни, которые хорошо устроились в глубоком тылу и которые такие вещи присваивали себе. Они воровали у нас...

Ну а если была запись в солдатской книжке, все было прекрасно?

Да... Вот еще история. Был у нас лейтенант Янзен (Jansen), такой трус... Он был моим командиром. Меня предупреждали: «Будешь под Янзеном, ты пропал.» В Италии он вырыл себе яму под погребом и сидел в ней. Когда нам было нужно что-то для передовой, я ползал в тыл, [чтобы обратиться к нему.] Сам он на передовой не появлялся. Трепло он был и все выбалтывал другим, но потом я его припечатал, сказал ему, что он - *му...ак*. Потом мы с моим товарищем набили ему морду, но без травм.

А вот что за запись? *Lazarett*... это про госпиталь?

Да, это о ранении.

А что могла случиться, если Вы теряли солдатскую книжку?

Беда. Тогда ты не мог доказать, кто ты и что ты и так далее... Ты мог попасть под арест, прямо в тюрьму. Нужно было очень быстро доложить об этом, потом ты должен был доказать, что потерял ее тогда-то и там-то. Это было обязательным. Ты всегда должен был носить ее с собой, вот здесь, в нагрудном кармане. Если тебя останавливал для проверки военный патруль, это было первым, что они брали и просматривали. Если у тебя не

оказывалось с собой солдатской книжки, ты уже не был годен для службы в армии. Идешь в тюрьму...

Есть ли кто-либо еще из Вашей роты, кто жив по сей день?

После войны нас было трое. Все из нашего пулеметного отделения. Мы часто встречались после войны. Сейчас уже никого нет в живых. Один из них, Кубиак (Kubiak) жил в Золингене, другой в Ремшайде (Remscheid), неподалеку. Один из них потерял ногу, другой был ранен в спину и попал в плен. Обычно пулеметные расчеты не выживали, но нам повезло в том смысле, что прошли хорошую подготовку. Тот, которому оторвало ногу, ушел из жизни по своей воле два года назад. Мы часто посещали друг друга. Потом умерла его жена. Знаете, он был ревностным католиком и не мог пойти на самоубийство. Он перестал есть, не ел несколько дней. Его положили в госпиталь, так у него была трость, и он этой тростью отгонял от себя медсестер. Я позвонил ему, и он сказал: «Франц, я не могу убить себя. Я – католик. Тогда я не попаду в рай.» Он так ничего и не ел, пока не умер. Он думал, что попадет в рай, может он сейчас там. Я бы предпочел попасть в ад, там много чего происходит... Так вот, когда ему приносили еду, он отгонял медсестер и голодал, пока не умер. Он сам уморил себя голодом. Просто смешно... Я знаю, как терзает человека голод. Я через это прошел...

Интервью – Джеймс Холланд

<https://www.griffonmerlin.com/wwii-interview/franz-maassen/>

<https://www.griffonmerlin.com/wwii-interview/franz-massen-german/>

Сокращенный перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org